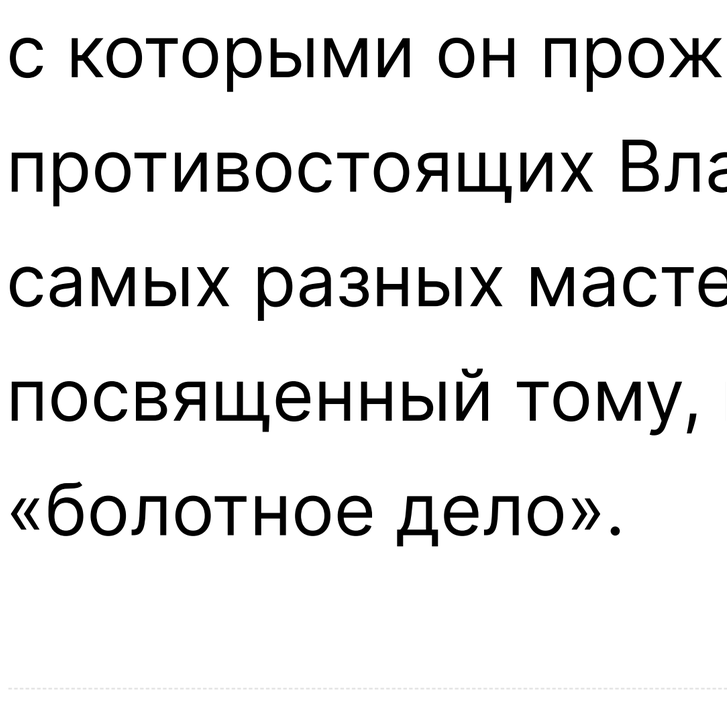
Текст · 22 июня 2024, 11:41

«Иллюзии умирали одна за другой». Отрывок из книги Евгения Фельдмана «Мечтатели против космонавтов»

В издательстве Бориса Акунина вышла книга «Мечтатели против космонавтов. Отвага и трагедия антипутинского протеста» фотографа Евгения Фельдмана — хроника ключевых вех в истории России, Беларуси и Украины последних 15 лет. Митинги и суды, политические кампании и художественные акции, Майдан и Донбасс. В книге Фельдман описывает свою работу и людей, с которыми он проживал эти события, — мечтателей, противостоящих Владимиру Путину и его космонавтам самых разных мастей. «Медиазона» публикует отрывок, посвященный тому, как в 2012 году начиналось «болотное дело».

Дизайнер: Паша Барли

Аресты по уголовному делу из-за столкновений на Болотной начались всего через пару недель после разогнанного марша.

Первой под суд отправили анархистку Александру Духанину. Фотография РИА Новостей с ее задержанием стала одной из самых разошедшихся — полицейский тащил девушку в автозак за шею — и ярко символизировала несоразмерную жестокость разгона. Духаниной не повезло стать лицом контркампании: пропагандисты радостно ухватились за то, что новая героиня протеста кидала в силовиков пластиковые бутылки.

Вместе с анархисткой задержали еще двух человек, потом еще и еще. У меня появился новый ритуал: после публикации имен задержанных я лез искать их фотографии в социальных сетях, а потом — в своих съемках с протестов. Беззаботную Духанину я нашел на снимках с «Оккупай Абая». В лагере было что-то вроде библиотеки, и Александра выдавала там книги, «Монополию», листовки («...Вокруг нас живут, работают, ездят в метро, ходят в магазины, сидят на соседних лавочках этого бульвара люди, не понимающие, зачем нужны перевыборы...»). Другого задержанного, Андрея Барабанова, 6 мая избивали прямо передо мной.

В июне следователи одновременно провели обыски в квартирах всех лидеров оппозиции: Гудкова, Навального, Удальцова, Яшина с Собчак. К телеведущей вроде как пришли только потому, что у нее жил Яшин, но силовики не дали ей одеться и изъяли полтора миллиона долларов наличными. Я решил поехать к дому Навального.

У подъезда унылой шестнадцатиэтажки на окраине Москвы стояли пара автоматчиков и под сотню активистов. Кто-то наклеил протестные стикеры на

микроавтобус Следственного комитета, кто-то вяло ругался с полицией, кто-то рассказывал, что иногда Навальный машет из окна, и я очень завидовал фотографу, который успел это снять. Казалось, что следом за активистами начнут задерживать и лидеров протеста — я был уверен, что Алексея увезут на допрос и в изолятор, а снять его теперь, возможно, получится только в суде. Девушка с длинной челкой приклеила на стекло подъезда белую розу и попыталась уместить послание Навальному на бумажном скотче.

После обыска у Алексея Навального. Фото: Евгений Фельдман

Под вечер тихий двор вдруг зашевелился: из подъезда высыпала вереница следователей в балаклавах. В руках они несли коробки с изъятыми вещами. Спустившись, Алексей рассказал, что обыск закончен и что утром ему предстоит ехать на допрос.
Его жена Юлия группами по несколько человек запускала журналистов в квартиру. На полу между платьями, майкой с лозунгом за освобождение Ходорковского, книгой путиниста Старикова и мемуарами основателя *IKEA* лежал свадебный фотоальбом. Было ужасно неловко, и я снял лишь пару общих планов.

* * *

Тем утром, когда силовики приехали к Собчак и Яшину, туда примчался и помощник Ильи, мой

друг Миша Маглов. Он был одним из самых заметных активистов немцовской «Солидарности» и у дверей наткнулся на знакомого майора центра «Э», политической полиции. Тот сказал, что Маглов тоже в списках, и почему-то повез его в квартиру Яшина. Там начался обыск со всеми спецэффектами — везде рыскали саперы, собаки, спецназ и операторы госканалов. Правда, вскоре выяснилось, что полицейские перепутали квартиру и случайно вломились к соседям политика.

После обыска Мишу повезли на допрос в промзону, где базировались двести следователей, ведущих «болотное дело». В огромных цехах старого завода поставили столы с компьютерами; коридоры облепили скриншотами из записей столкновений 6 мая. После допроса и угроз Маглова все же отпустили. Какое-то время он ночевал по квартирам друзей и в круглосуточных кафе, а потом пропал. Как и десятки других активистов, Миша тайно уехал из России.

Одновременно с ним за несколько недель исчезла половина моего круга общения. Я смотрел темные видео из дороги: вот свет фар на трассах, вот уезжающие валяются в каких-то снопах сена в Беларуси, вот прощаются с друзьями перед границей с Украиной. Уезжали все: нацболы, левые, либералы. Кто-то был слишком засвеченным активистом, кто-то действительно дрался с силовиками, кого-то знакомые узнали на ориентировках, висящих в метро. Неучастие в акции 6 мая не спасало — примерно треть всех попавших в СИЗО вообще не была на Болотной.

Многие осели в Киеве: добраться туда было проще всего, а дальше уехавшие застревали в

водовороте бюрократии. Дипломаты из разных стран шептали, что вот-вот все устроят, пока суды отказывали эмигрантам в выдаче документов, ооновские чиновники требовали все новые справки, а жизнь строилась на клочке удостоверения о соискании убежища.

Мы с Наташей придумали сделать репортаж о передрягах уехавших — даже вписали в него чек-лист «Как проверить, есть ли за вами слежка» — и в августе на несколько дней съездили в Киев. С Мишей мы встретились в районе Бессарабского рынка, и он все время листал ленту твиттера и дулся: «Ни одного сообщения с вопросом, чего, мол, тебя нигде не видно».

Миша жил вместе с парой эмигрантов-нацболов в квартире, адрес которой никто не знал. Под окном они иногда замечали наружку.

* * *

Оппозиция попыталась пересобраться и начать игру вдолгую. Часть активистов создала «Партию 5 декабря» (по дате первого митинга на Чистых) и пыталась всех убедить, что путь к переменам лежит через локальные выборы. Тем более что в московские муниципальные советы избрались десятки независимых депутатов. Полномочий у них толком не было, но это выглядело хорошей стартовой точкой для проникновения во власть. Самые отчаявшиеся (и интеллигентные) вспоминали XIX век: они считали, что «надо идти в школы» и прививать «ценности свободы» новому поколению.

Сергей Удальцов. Фото: Евгений Фельдман

Одновременно в Москве продолжали устраивать большие марши. На них неизменно собирались десятки тысяч человек — протест за год вырос на порядок, — но каждый сбор лишь добавлял безнадеги. Первый, в июне, прошел на фоне обысков у активистов и политиков, а митинг-концерт, запланированный на самый конец, был сорван невероятным ливнем. Следующий, в сентябре, сопровождался новой серией допросов, а закончился очередным призывом Удальцова никуда не уходить — на огромном проспекте к тому моменту оставалось человек триста.

Центром протестной стратегии стал Координационный совет оппозиции — орган, в котором все заметные политики могли бы обсуждать стратегию действий. К выборам в него я отнесся очень серьезно: казалось, что в России может появиться настоящий альтернативный парламент. Папку в архиве я сразу назвал с заделом на будущее — «Выборы первого состава».

Организацией голосования занимался Леонид Волков, малоизвестный уральский политик, энтузиаст электронных выборов. В избирательные комиссии вошли волонтеры со всей страны — участок должны были открыть даже в закрытом городе Снежинске под Челябинском, где разрабатывались ядерные боеприпасы. Я мечтал о командировке туда,

даже начал ее планировать — и нашел на карте улицу академика Забабахина, — но не успел получить разрешение на съемку.

Леонид Волков. Фото: Евгений Фельдман

Выборы, впрочем, оказались действительно конкурентными и не давали отвлечься: кандидаты ругались, левые и правые активисты требовали преференций, и итоговый регламент был результатом сложного компромисса. На «Дожде» — единственном телеканале, который рассказывал про Координационный совет, — в несколько раундов шли дебаты: участники серьезным тоном задавали друг другу вопросы о планах по борьбе с режимом.

Голосование длилось два дня. Вечером первого я получил неожиданное приглашение: рассказать про ход выборов в ток-шоу Ксении Собчак на «Дожде».

В студии я сразу почувствовал себя лишним. С одной стороны от меня к эфиру спокойно готовились люди, которых я видел по телевизору ребенком, с другой — одиозные персонажи вроде Германа Клименко, призывавшего заблокировать в России американские соцсети. Всех участников шоу посадили на диваны и стулья, а меня — на крошечный пуфик, на уровне коленей всех остальных.

В те дни как раз начинался новый виток «болотного дела»: телеканал НТВ опубликовал сделанную

скрытой камерой запись, на которой Сергей Удальцов якобы обсуждал с грузинским политиком Гиви Таргамадзе организацию беспорядков в Москве. На Удальцова и его помощника Леонида Развозжаева завели уголовное дело. Во время рекламной паузы я залез почитать новости и оторопел: писали, что Развозжаев похищен в Киеве, где он просил политического убежища. Теперь его тайно арестовали в Басманном суде, а на выходе он успел крикнуть, что пережил два дня пыток.

Я не мог думать ни о чем другом, но пауза закончилась, и Собчак продолжила стравливать сидящих в студии. Клименко пафосно рассуждал о непрофессионализме Волкова, кто-то жалел бабушек, которые не смогли проголосовать из-за атаки на сайт... Слова мне не давали до самого конца, но в финале ведущая предложила всем участникам эфира угадать имена пяти победителей. Я взял микрофон и пробормотал:

— У меня с провидчеством плохо. Я хотел бы нарушить правила и сказать, что на фоне новостей нужно голосовать за Развозжаева. Это единственное, что мы можем сделать.

Собчак махнула на меня рукой, отвернулась и ушла к более интересным гостям. На выборах совета оппозиции проголосовала восемьдесят одна тысяча человек. Развозжаев получил меньше тринадцати тысяч голосов — и четыре с половиной года колонии.

* * *

Федеральная служба безопасности до этого момента, казалось, была далека от уличной политики и занималась чем-то своим, серьезным и далеким: терактами, шпионами, губернаторами. Лишь изредка в протестной тусовке пересказывали слухи о том, что Лубянка следит и за активистами. Но Развозжаева, по словам его адвокатов, похитили в Киеве именно ФСБшники.

Сам Леонид рассказал правозащитникам, что его держали в подвале частного дома где-то в Брянской области и, угрожая родным, заставили подписать явку с повинной. Власть ответила пресс-релизом Следственного комитета: оппозиционер якобы явился добровольно и подтвердил все обвинения. Более того, на Развозжаева с издевкой завели еще два дела — за незаконное пересечение границы при въезде в Россию и за ложный донос о пытках.

Фото: Евгений Фельдман

Тем вечером тротуар у здания ФСБ на Лубянке стал новой важной точкой протеста — как будто подчеркнуто милого в противовес угрюмой истории места. Асфальт изрисовали мелками: «ФСБ пытает людей», «Пришли за ними, придут и за вами». На лужайке сбоку оппозиционеры играли в петанк.

Новый закон о митингах предписывал, чтобы между одиночными пикетами — они не требовали согласования и поэтому были естественной формой

для спонтанных акций, — было не меньше пятидесяти метров. В выходные несогласные, соблюдая этот промежуток, выстроились четырехкилометровой цепью от ФСБ до СК. Где-то на Маросейке мужчина в кепке цитировал Сартра: «Ты всегда в ответе за то, чему не попытался помешать». На Лубянке с типовым плакатом «Я против репрессий и пыток» встал Навальный, но его быстро задержали. На другом конце маршрута кто-то положил такой же листок на каток-асфальтоукладчик. Получилось символично: гадкое ощущение бессилия начинало доминировать.

Фото: Евгений Фельдман

* * *

В декабре 2012 года в США приняли «закон Магнитского», названный так по имени юриста, который четырьмя годами ранее погиб в изоляторе «Матросская тишина». Он раскрыл грандиозную коррупционную схему с участием силовиков и следователей — и те отправили его в СИЗО, обвинив в уходе от налогов. Магнитский болел и не получал необходимой медпомощи; перед смертью его, возможно, избивали конвоиры.

Новый закон разрешал США вводить персональные санкции против россиян, нарушающих права человека. Кремль сразу начал разрабатывать зеркальный ответ: некоторым американцам должны

были запретить въезжать в Россию и заводить счета в Сбербанке.

Новая мера так и осталась бы символической, но перед вторым чтением в закон внезапно внесли дополнение: гражданам стран, присоединившихся к санкциям, запрещалось усыновлять российских детей. Журналисты мгновенно нашли десятки сирот, которые вот-вот должны были уехать из детских домов в зарубежные семьи — и теперь лишились этого шанса.

Людоедская жестокость закона возмутила многих: у Думы день за днем винтили пикетчиков, петиции собирали десятки тысяч подписей. Оппозиционеры даже провели отдельный марш против «закона подлецов», как стали называть поправки. Мне было очень важно показать масштаб протеста, и я в жуткий мороз — балаклавы силовиков покрывались инеем от дыхания — несколько раз заранее прошел по маршруту, чтобы найти окно с идеальным видом. На марш пришло за сто тысяч человек, а я с час трезвонил в двери намеченных квартир и все-таки снял идеальную панораму.

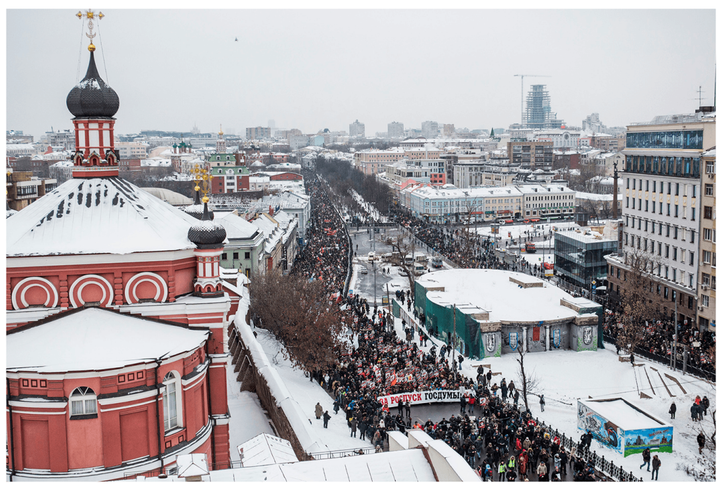

Фото: Евгений Фельдман

Казалось, что такой массовый протест помешает невыносимому законопроекту, но документ со свистом прошел через все инстанции и был подписан Путиным прямо перед Новым годом.

Иллюзии умирали одна за другой, а в это время в московском изоляторе держал голодовку человек, обещавший стать вторым Магнитским.

* * *

Сергея Кривова, 51-летнего кандидата наук, задержали по «болотному делу» в октябре. После 6 мая он много раз стоял в одиночных пикетах в защиту обвиняемых, а теперь сам оказался за решеткой, потому что на марше якобы отобрал дубинку у полицейского и избил его. В декабре ему продлили арест до марта, и Кривов объявил голодовку. Его жена и друзья писали, что он говорит о готовности умереть. За первый месяц Кривов похудел на двенадцать килограммов.

Последним шансом увидеть и сфотографировать его была апелляция — их тогда начали проводить по видеосвязи: подсудимого помещали в отдельную клетку в СИЗО, сажали перед камерой, а в зале суда показывали на небольшом экранчике. Слушания по жалобе Кривова пришлись на тридцать второй день его голодовки — и на следующий день после марша против «закона подлецов».

— Фельдман! Гениальная у тебя вчера съемка была! — увидев меня, внезапно заорал на весь холл Мосгорсуда Борис Немцов и быстро сменил тон на серьезный, давая комментарий. — Кривов сказал, что хочет стать

вторым Магнитским. Честно говоря, у меня сердце в пятки ушло. Сегодня решается вопрос его жизни.

Нас завели в зал. Жена Кривова заплакала, увидев похудевшего мужа на экране. Потом была беспомощная многословная речь адвоката: он декламировал, что источником власти в стране является народ, и риторически спрашивал, как еще Кривов мог выразить протест. Прокурор ответил справкой из СИЗО о том, что на самом деле подсудимый тайно ест.

В перерыве у трансляции отключили звук, и активисты общались с Кривовым при помощи записок. «ХВАТит ГОЛОДать» — показывал видеокамере свой плакат Немцов, в обеих строках не рассчитавший длину листа. Тройка судей арест продлила, но через неделю Кривов все же прекратил голодовку.

Борис Немцов. Фото: Евгений Фельдман

* * *

«Болотное дело» захватило почти все мое время. В марте я как на работу ходил в Басманный суд — там несколько дней с утра до вечера продлевали аресты двенадцати будущим фигурантам гигантского процесса. На улице начиналась весна, но

за дверями суда сразу накатывало всепроникающее уныние.

Журналистов в коридорах было мало, поддержать арестованных приходили лишь несколько человек. Снимать растерянные улыбки обвиняемых, которых поторапливал конвой, было невыносимо, еще тяжелее было видеть их родных, стоящих с каменными лицами у залов суда. «У обвиняемого в социальных сетях есть знакомые, проживающие за границей, а значит, он может сбежать» — прокурорско-судейский каток неумолимо полз, продлевая аресты.

В те же недели в голландской депортационной тюрьме покончил с собой нацбол Александр Долматов — он сбежал из России после первых арестов, но ему отказали в политическом убежище. Его однопартийцы залили сугробы у посольства красной краской, а злость выместили, напав на Удальцова, который пришел на прощание и стал выступать перед журналистами.

Потом, в апреле, прошла очередная волна задержаний, и стало ясно, что следователи готовят второй процесс. Известный антифашист Алексей Гаскаров пожаловался на избиение при разгоне на Болотной, а теперь сам оказался за решеткой по обвинению в насилии к полицейскому.

Судья читала предсказуемое решение об аресте, а я следил за Гаскаровым в видоискатель. Он лишь усмехался, прекрасно понимая исход заседания, — но вдруг кадр сложился сам собой: невеста Гаскарова, Аня, подошла к нему с улыбкой, будто разглядывая и запоминая, а Леша смотрел на нее из клетки. Прямо

передо мной, разделив их в кадре, влез недовольный конвойный.

Несколько раз я снимал свадьбы в СИЗО: невесты заключенных приезжали на окраину Москвы, чтобы на несколько минут зайти внутрь для церемонии — им даже не давали остаться с партнерами наедине. Из зарешеченных окошек на девушек в красивых платьях и их подруг смотрели равнодушные лица сотрудниц.

Наконец, родители отчаянно пытались привлечь внимание к процессу над их детьми. Пикеты матерей согласовывали в самых странных и непроходных местах, и плакаты вроде «Верните наших детей!» обращались в пустоту. Как-то рядом положили плюшевого слона с приколотым значком «Я был на Болотной, арестуйте меня!».

Всем, кто следил за процессом, оставалось опираться лишь друг на друга. Постоянно рождались слухи: мне рассказывали то о новых, еще более суровых обвинениях, то о скорой амнистии; адвокаты шептались, что Кривов на самом деле не голодал. Вот-вот должен был начаться процесс по «делу двенадцати», и я штудировал кодексы, пытаясь разобраться в процедурах. От адвокатов я нахватался слов вроде «мусорнуться» и «терпила».

Новые знания пригодились мне в апреле, когда в Кирове начался суд над Алексеем Навальным.

Источник: Евгений Фельдман. «Мечтатели против космонавтов». Издательство *BAbook*, 2024.